

3.1. Субстанция ценности: жизнь или труд?

«Столь же глупо думать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь глупо думать, что отдельный индивидуум может перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос. Если же его теория в самом деле выходит за её пределы, если он строит себе мир, каким он должен быть, то этот мир, хотя, правда, и существует, однако — только в его мнении».

Георг Фридрих Вильгельм Гегель¹

«Для доказательства, что я понимаю, я опровергну вас».

Имре Лакатос²

3.1.1. Теория ценности (стоимости) товаров: затраты вместо результатов³

На процитированную в первом эпиграфе работу Гегеля Карл Маркс сослался в самом начале 1 тома «Капитала» (1867), рядом со словами о том, что в ценности товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще, «производительного расходования человеческого мозга, мускулов нервов, рук и т.д.»⁴. Знал он и процитированную здесь мысль. Поэтому в его трудах нет описаний устройства общества, которое должно прийти на смену современному ему. По-видимому, единственное исключение – это формула распределения «по труду» на первой, социалистической стадии коммунизма в «Критике Готской программы» (1875): «Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов) и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме...»⁵.

¹ Гегель Г.Ф.В. Философия права (1820) <http://e-libra.su/read/362194-filosofiya-prava.html> (в твёрдой копии ошибочно указано: Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии (1874). М.: Изограф, 2000. – С. 16).

² «Я припоминаю, что Поппер различал три уровня понимания. Самый низший – это приятное чувство, что понял аргументацию. Средний уровень — это когда можешь повторить её. Высший уровень – когда можешь опровергнуть её». Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы (1963 – 1964). Пер. с англ. М.: Наука, 1967. С. 29.

³ В статье термин «ценность» используется как синоним «стоимости» для немецкого термина Wert и его производных.

⁴ Маркс К. Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 53.

⁵ Маркс К. Критика Готской программы (1875) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 19.

Из обеих приведённых цитат видно, что труд Маркс понимал исключительно затратно, а не результатно. Точнее, он исходил из жёсткой прямо пропорциональной связи между временем труда и его результатом: «То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности, теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства, в форме бытия. Рабочий прял, и продукт есть пряжа»¹.

Однако практика реального общества, называвшегося социалистическим, показала, что это мнение Маркса было ошибочным. В зависимости от применяемых технологий один и тот же результат может получаться при разных затратах рабочего времени и, шире, просто при разных затратах.

Поэтому по мере усложнения технологической структуры производства в СССР все большей популярностью пользовались бригадный подряд и другие коллективные формы оплаты «от результата», а не от «затрат». Наиболее известным стал в своё время Пекинский эксперимент (1967 год)².

Однако «затратная версия» принципа оплаты «по труду» не осталась только «мнением» Маркса. В СССР нередко допускалась «работа на склад», то есть производство ненужной продукции, на том основании, что «нужно же платить людям заработную плату». Отголоском этой практики стала долгая эпопея закрытия Байкальского целлюлозно-бумажного комбината в течение четверти века после исчезновения СССР³. Один из главных аргументов: «не оставлять же людей без работы».

Принцип «оплата зависит от результата, а не от затрат» – это товарный принцип. Покупателю все равно, какие затраты понёс производитель. И в этом мнение Маркса оказалось слишком ограничено «своей эпохой», когда он продолжил свою мысль словами: «...Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей...

Поэтому *равное право* здесь по принципу все еще является *правом буржуазным*, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь в среднем, а не в каждом отдельном случае.

---

¹ Маркс К. Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 191.

² «Если предприятие выполняло поставленные планы при меньшем числе работников, то большую часть денег (до 60%), сэкономленных на уволенных, шла на повышение заработной платы оставшимся работникам и прочие собственные нужды предприятия». Щекинский эксперимент <https://popecon.ru/244-schekinskii-eksperiment-v-1967-godu-v-sssr.html>

³ Байкальский ЦБК <https://tass.ru/obschestvo/862894>

Несмотря на этот прогресс, это равное право в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителя *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом (курсив Маркса, – Л.Г.)»¹.

Пропорциональность, выделенная Марксом, это свойство простого воспроизводства, самое большее – экстенсивно расширенного. С точки зрения современных представлений о динамике в годы жизни Маркса в целом и написания «Капитала» в частности, это годы почти полного застоя: за полвека доход на душу населения вырос всего на 1 процент².

Возможно, тогда это многими мыслителями воспринималось как почти фантастическое ускорение после тысячи, если не более, лет «стояния на месте». Но меновые пропорции оставались малоподвижными, что побуждало искать «субстанцию», лежащую в основе этих пропорций.

Нет ничего удивительного в том, что предшественники Маркса в политической экономии, как минимум Адам Смит и Давид Рикардо, в качестве такой субстанции увидели именно труд. Это было нетривиально и вполне научно – сменить вроде бы очевидный «результатный» подход к оценке пропорций обмена (чем результат лучше, тем больше за него можно получить) на совершенно не очевидный «затратный».

Кажется, что интуиция не подвела классиков. В любом современном учебнике по экономике можно прочитать, что в условиях совершенной конкуренции при долгосрочном равновесии цены равны средним издержкам: $P = AC$. Разумеется, в них входят не только издержки, связанные с затратой человеческого труда. Но и сам Маркс делал оговорку: «определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства»³.

Но это только кажется, особенно в том, что касается Маркса. В современной теории в основе равенства $P = AC$ лежит понятие альтернативных издержек (opportunity cost). А оно имеет не столько затратный, сколько результатный характер.

---

¹ Маркс К. Критика Готской программы (1875) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 18-19.

² «Капитализм действительно пошёл на взлёт около 1820 года по всей Западной Европе, а затем и в европейских колониях в Северной Америке и Океании. Ускорение экономического роста было настолько резким, что следующие полвека после 1820 года стали называть промышленной революцией. За эти пятьдесят лет доход на душу населения в Западной Европе вырос на 1 процент, ... по сравнению с темпом роста в 0,14 процента, наблюдавшимся между 1500-м и 1820 годом, это было настоящее турбореактивное ускорение». Чанг Ха-Джун Как устроена экономика (2014). Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. С. 20.

³ Маркс К. Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 192, сноска 7.

3.1.2. Альтернативные издержки: возврат к результатам

Развитый вид понятие альтернативных издержек (издержек упущенных возможностей) получило после маржиналистской революции 1870-х годов, однако реальное представление о ней было и раньше. Вот, например, характерное высказывание Андрея Шторха: «Война обходится дороже, чем расходы на нее: она стоит еще и тех денег, которые она мешает заработать»¹. Маркс хорошо знал только что процитированный труд, многократно ссылаясь на его автора, в том числе и в 1 томе «Капитала». Знал он и «Начала политической экономии» Давида Рикардо, в которых был сформулирован принцип сравнительного преимущества: «Два человека выделывают обувь и шляпы, и один превосходит другого в обоих занях *Маркс К.* Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 55 тиях, но, изготавливая шляпы, он может превзойти своего соперника на одну пятую, или на 20%, а изготавливая обувь – на одну треть; не будет ли для обоих выгоднее, чтобы более искусный занялся исключительно изготовлением обуви, а менее искусный – производством шляп?»².

Тесная связь альтернативных издержек и принципа сравнительного преимущества – общее место современной теории. Ей, в частности, уделяется внимание в вводной части учебника «Принципы экономикс» Н. Грегори Мэнкью³. Приводит этот автор и соответствующее высказывание Адама Смита⁴. Во всех случаях пропорциональность присутствует для соотношений результатов – продуктов труда, а не пар «затраты – результат». Продолжая количественный пример Рикардо, можно сказать, что у более искусного производителя обуви примерно на 10%

---

¹ *Шторх А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие (1815). М.: Изд. дом «Экономическая газета», 2008. С. 710.

² *Рикардо Д.* Начала политической экономии (1817). М.: Эксмо, 2007. С. 159 сноска 1. Универсальность этого принципа сам Рикардо продемонстрировал тем, что начало сноски посвящено сравнению стран, а не индивидов.

³ *Мэнкью Н. Г.* Принципы экономикс (1998). СПб: Питер Ком, 1999. С. 77.

⁴ «Основное правило каждого благоразумного главы семьи состоит в том, чтобы не пытаться изготавливать дома такие предметы, изготовление которых обойдётся дороже, чем при покупке их на стороне. Портной не будет сам шить себе сапоги, а покупает их у сапожника. Сапожник не пробует сам шить себе одежду, а прибегает к услугам портного. Фермер не пробует ни того, ни другого, а пользуется услугами обоих этих ремесленников все они находят более выгодным для себя затрачивать весь свой труд в той области, в которой они обладают некоторым преимуществом перед своими соседями, и все необходимое им покупать в обмен на часть продукта, или, что то же самое, на цену части продукта своего труда (курсив мой, – Л.Г.)» *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов (1776). М.: Эксмо, 2007. С. 443-444.

дешевле, чем шляпы, по сравнению с менее искусным. В этом диапазоне может существовать, изменяющаяся или нет, пропорция обмена благами – ре-

зультатами труда¹ – между ними. При этом никакой «оглядки» на «средние» затраты труда, измеряемые временем, в принципе быть не может чисто технически, можно сказать, арифметически. Рикардо специально привёл пример, в котором один из акторов имеет абсолютное преимущество в производстве обоих благ в единицу времени.

Чем больше разность пропорций «затраты-результаты» у разных акторов, тем шире границы изменения меновых пропорций и выгоды от обмена его участников. Однако вопрос о пропорции распределения выгод между ними остаётся открытым – на стороне затрат на него нет ответа. Более того, на него и не может быть ответа: в любом акте обмена двух агентов каждый имеет формально равные права, поэтому пропорция деления потенциальной выгоды от технологической разности потенциалов зависит от соотношения сил – кто сильнее, тот и получает большую долю выгоды. Но не всю – иначе его контрагенту нет смысла в сделке. То, что эквивалентность не является атрибутом отношений обмена, отмечал и Маркс: «...природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня... Следовательно, здесь получается антиномия, право противопоставляется праву, причём оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. При столкновении двух равных прав решает сила»².

В отличие от своих предшественников Маркс последовательно пытается провести «чисто затратную» линию в объяснении меновых пропорций и в целом рыночной экономики, товарного производства. Уже в его время наблюдались, хотя и спорадически, ситуации, когда время труда теряло непосредственную связь с производимым результатом. «Вместо того чтобы быть главным агентом производства, рабочий становится рядом с ним»³. На этом наблюдении основан его прогноз, или

---

¹ Переводя пример Рикардо на язык современных технологий, можно сказать и так: автомат, имеющийся у одного агента, превосходит автомат, имеющийся у другого агента (или даже просто его ручной труд, неважно), по шляпам на одну пятаю, а по обуви – на одну треть. Все остальные рассуждения останутся теми же.

² Маркс К. Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 246. Попутно можно отметить, что во времена Маркса не было принято чётко различать в обмене два очень разных её типа – куплю-продажу (договоры мены) и аренду. Например, можно было говорить о купле-продаже рабочей силы. Сейчас это недоразумение встречается в основном в учебниках вводного уровня. Общепринятая точка зрения выглядит так: «“Рентой” называют плату за использование ресурсов – земли, труда оборудования, идей и даже денег. Рента за использование труда обычно называется “заработной платой”, плата за пользование землёй и оборудованием – “рентой”, плата за использование идей – “роялти (royalty)”, а плата за пользование деньгами – “процентом”... Вплоть до второй половины XIX в. под “рентой” экономисты понимали плату за пользование землёй» Алчиян А. Рента // Экономическая теория (New Palgrave). М.: Инфра-М. 2004. С. 724.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.

мнение, что развитие такого замещения труда основным капиталом, автоматизация производства, ведёт к подрыву товарного производства вообще, а не только его капиталистической формы¹. Прошло более полутора веков, автоматизированы многие процессы и даже производства. Однако это не стало причиной подрыва товарного производства. Может быть, это связано с тем, что меновые пропорции в своей основе имеют не затраты труда, измеряемые временем, а какую-то иную субстанцию?

Опыт 20-го столетия доказал, что рынок и деньги как средство обмена появляются в любой общности, где есть хотя бы подобие равенства части его членов безотносительно к «времени труда», но пропорции обмена при этом связаны не с «временем труда», а с «временем/качеством жизни».

Самый наглядный пример – рынок продуктовых карточек в Северном Вьетнаме в 1970-х годах. Функцию денег на нем выполняли карточки на рис. В учебной литературе можно встретить пример сигарет, которые выполняли функцию средства обмена в лагерях военнопленных сразу после окончания Второй мировой войны. В СССР менее наблюдаемыми, но гораздо более массовыми, были «серые рынки» так называемых фондируемых материалов: метизов (металлических изделий), начиная с проката разных профилей, красок, других хранимых и делимых материалов широкого применения. По сути дела, это – та же карточная система, но не для людей, а для предприятий. Такие рынки были очень локальны, но они помогали жить в условиях несовершенной и все более отстающей от жизни системы норм, по которым выделялись ресурсы «под планируемые объёмы производства».

Если заглянуть в «Никомахову этику» Аристотеля, на которую ссылается Маркс на первых страницах «Капитала», то можно заметить, что античный философ видит основу для сравнения разных благ в их востребованности для жизни людей. Рабский труд приписал Маркс сюда напрасно: Аристотель рассуждал о враче и земледельце.

Для Маркса важна та однородная «субстанция» ценности, которая позволяет приравнивать разнородные, разнокачественные по потребительским свойствам «сущности». Сам он в качестве таковой рассматривал абстрактный труд как единственное, что есть общего у всех обмениваемых благ и считал, что Аристотель правильно ставил вопрос о суще-

---

¹ «Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестаёт и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестаёт быть мерой потребительной стоимости... Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудости и антагонистичности» Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 214.

ствовании общего свойства как необходимого условия обмена, но не мог сам его найти, поскольку жил в рабовладельческом обществе: «Обе последние особенности эквивалентной формы станут для нас еще более понятными, если мы обратимся к великому исследователю, впервые анализировавшему форму ценности... Прежде всего Аристотель совершенно ясно указывает, что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы ценности, т.е. выражения ценности одного товара в каком-либо другом товаре... Он понимает, далее, что ценностное отношение, в котором заключается это выражение ценности, свидетельствует, в свою очередь, о качественном отождествлении дома и ложа и что эти чувственно различные вещи без такого тождества их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины... Однако здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ форм ценности. «Однако в действительности невозможно, чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы», т.е. качественно равны... Дом противостоит ложу как нечто равное, поскольку он представляет то, что действительно одинаково в них обоих – и в ложе, и в доме. А это – человеческий труд. Но того факта, что в форме товарных ценностей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд, этого Аристотель не мог вычитать из самой формы ценности, так как греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил»¹.

Здесь опущены почти все прямые цитаты из «Никомаховой этики» Аристотеля, которые приводит Маркс со ссылкой на греческий оригинал. Но сделано это потому, что переводы Маркс даёт довольно-таки вольные, можно сказать, тенденциозные (к тому же сам он не ссылался на первоисточник, цитировал просто «из Аристотеля»). На самом деле Аристотель в этой части «Никомаховой этики» обращается и к тем видам труда, которые трудно вообразить в исполнении рабов: «Ведь [общественные] взаимоотношения возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть, [скажем,] врач и земледелец и вообще разные и неравные [стороны], а их-то и нужно приравнять»². А главное – он видит совсем другое основание для сравнения «качественно различного» – их необходимость для жизни людей, обеспечения их интересов:

«Что потребность связывает так, как будто существует известное единство, станет, должно быть, ясно, потому что если нет потребности друг в друге (у обеих ли сторон или у одной из двух в другой), то обмен

---

¹ Маркс К. Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 68 – 69.

² Аристотель Никомахова этика. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 155 – 156.

и не происходит... Конечно, в действительности вещи столь различные не могут стать соизмеримы, но, если иметь в виду потребность, основания [для соизмерения] достаточны.

Итак, должна существовать какая-то единица [измерения], причём [основанная] на условленности, и потому она зовётся *номисма*¹, в самом деле, она делает всё соизмеримым, ибо всё измеряют монетами»².

Таким образом, Аристотель – в отличие от Маркса – прекрасно видит достаточные основания сравнимости разнородных благ в потребности для одного – обеспечения жизненных интересов людей. Даже корень этого слова – *потребность* – показывает, что если чего-то не будет, то не будет и жизни, т.е. по сути дела речь идёт об интересе выживания. Аристотель также понимает, что монета сама по себе никаких реальных потребностей удовлетворить не может, потому и называет денежную массу «условленностью», а не «искусственным приёмом для удовлетворения практической потребности», как это место слишком вольно, «под себя», под свой «научный интерес», перевёл это место Маркс³.

Можно заметить, что существенное отличие позиции Маркса от его предшественников и современного мейнстрима состоит в практически полном исключении из рассмотрения реально действующих акторов. Причём это его сознательно выбранная позиция. Вторая глава «Капитала» начинается абзацем со словами: «Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам... Лица существуют здесь одно для другого лишь как представители товаров, т. е. как товаровладельцы. В ходе исследования мы вообще увидим, что характерные маски лиц – это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу»⁴.

Близкую к этой позицию занимал и Леон Вальрас при рассмотрении обмена двух благ: «*Меновая стоимость* — это свойство определённых вещей, состоящее в том, что они не могут быть получены или уступлены бесплатно, а могут быть куплены и проданы, получены и отданы в известной количественной пропорции в обмен на другие вещи. Покупатель одной вещи является продавцом той, что он даёт в обмен. Продавец одной вещи является покупателем той, что он получает в об-

---

¹ В оригинале стоит νομισμα, от которой пошла нумизматика.

² *Аристотель* Никомахова этика. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 156 – 157.

³ «Такое приравнивание вещей может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно лишь “искусственным приёмом для удовлетворения практической потребности”» *Маркс К.* Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 69.

⁴ *Маркс К.* Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 94 – 95.

мен. Иными словами, всякий обмен двух вещей одна на другую состоит из двойной продажи и двойной покупки» (Урок 5 «О рынке и конкуренции. Проблема обмена двух товаров друг на друга» (пункт 41))¹. Пункт 41 заканчивается словами: «нам нужно выявить законы, по которым эти *продажи и покупки стремятся протекать сами по себе*. Для этого мы предположим, как всегда, идеально организованный в плане конкуренции рынок, как в чистой механике принимается вначале допущение о машинах без трения» (курсив мой, – Л.Г.)². Выражение «продажи и покупки стремятся протекать сами по себе» характерно для учёных, придерживающихся *классического* типа рациональности, требующего исключения «субъектов» ради чистоты объективного рассмотрения «природы вещей» и законов их взаимодействия.

Вальрас оказался близок к Марксу и в применении терминов «относительность» и «эквивалентность» при анализе простой формы обмена (бартера). У него этот термин попал даже в название одного из «уроков»: «Урок 14. Теорема эквивалентного распределения. Об инструменте измерения и меновом посреднике», а у Маркса эквивалентной называется форма ценности, при которой ценность одного блага представляется в виде другого блага уже в рамках простой формы ценности.

Но в отличие от Вальраса Маркс эти термины использует для развития оригинальной концепции двойственного характера труда – абстрактного и конкретного: «Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует ценность товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своём качестве конкретного полезного труда он создаёт потребительные ценности»³. Если присмотреться внимательно к этому описанию, можно заметить, что в обоих случаях речь идёт исключительно о труде по исполнению решений и, следовательно, упускается из вида первая, не менее важная часть труда – принятие хозяйственных решений.

В этом тоже Маркс – сын своего времени. Наверное, никому в голову тогда не могло прийти, что принятие хозяйственных решений – это тоже труд, со своими затратами и результатами. Причём по мере развития технологий и усложнения хозяйственных связей доля времени, уделяемого этой стадии трудовой активности, будет увеличиваться.

---

¹ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии (1874). М.: Изограф, 2000. С. 35.

² Там же. С. 36.

³ Маркс К. Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 55.

Понятие трансакционных издержек было введено в экономическую теорию только в 1937 году¹. Причём сначала оно относилось только к издержкам, связанным с обменом товаров на рынке и только потом было распространено на принятие решений в сфере производства благ. Справедливости ради следует отметить, что управленческий труд (особенно по найму) фиксировал и Маркс, когда в третьем томе «Капитала» различал капитал-собственность и капитал-функцию: «...содержание управляющего является или должно быть просто заработной платой за известного рода квалифицированный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда»². Но труд по принятию решений отличается от труда по их исполнению тем, что отсутствует технологически обязательная прямо пропорциональная связь между затратами и конечным результатом в виде произведённой продукции. Говоря на языке мейнстрима, оплата этого труда относится к фиксированным издержкам (FC), тогда как оплата исполнительского труда чаще всего входит в состав переменных издержек (VC).

Может быть, Маркс сознательно игнорировал то, что позднее было названо альтернативными издержками. Упущенная выгода – это всегда чья-то упущенная выгода. А субъекту в науке делать вроде бы нечего в качестве объекта. По крайней мере, так считалось в эпоху Маркса, эпоху сравнительно недавней «победы» науки³ (изучение объект-объектных отношений, O–O) над религией, озабоченной субъект-субъектными (S–S) отношениями (средневековой католической в особенности), которая до этого взяла верх над философией, всегда интересующуюся субъект-объектными (S–O) отношениями (античной, особенно греческой).

Однако за пределами научных трудов тот же Маркс мог высказаться очень даже субъектно по поводу ценности (стоимости). Самое интересное, видимо, это: «Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости (т.е. ценности – Wert, value, – Л.Г.) покоится лишь на полнейшем невежестве как в отношении того предмета, о котором идёт речь, так и в отношении метода науки. Всякий ребёнок знает, что каждая *нация погибла бы, если бы она приостановила работу* не то, что на год, а хотя бы на несколько недель (курсив мой, – Л.Г.)»⁴. Здесь заканчива-

¹ Коуз Р. Природа фирмы (Coase, R. The Nature of the Firm *Economics*, Vol. 4, No. 16, Nov. 1937 pp. 386—405)

² Маркс К. Капитал, т. 3 (1894) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. С. 479.

³ Может быть, самым явным признаком доминирования сциентизма в то время стало название главного философского труда Гегеля: «Наука логики». Многие учёные искренне пытались читать этот труд как научный, но у них это не получалось.

⁴ Маркс К. Письмо Л. Кугельману от 11.07.1868. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 460.

ется мысль об альтернативных издержках, выделенных мною курсивом: приостановление работы (= увеличение досуга) субъекта сейчас → его смерть в скором будущем от недостатка средств существования. Иначе говоря, цель (ценность=стоимость) – продолжение жизни, средство – отказ от части (времени) жизни на производство необходимых для будущей жизни благ. Поэтому, выражаясь на языке континентальных философов XIX века, можно сказать, что «субстанцией ценности» является жизнь, её продолжение, а не какая-либо его часть, в том числе уделяемая производству благ, необходимых для жизни.

С античных времён пара альтернативных издержек «свободное время сейчас vs обеспечение жизни потом» была предметом внимания как минимум в виде басни о цикаде и муравье, которую после Эзопа пересказывали многие литераторы, включая нашего соотечественника И.А. Крылова.

Удивительнее всего то, что Маркс видит эту пару уже у А. Смита («Wealth of Nations», v. I, ch. V), но отказывается от её принятия. Вот что он написал в «примечании к 2 изданию» к описанию различия между абстрактным и конкретным трудом (оно уже цитировалось выше): «...При нормальном состоянии здоровья, силы, деятельности и при средней степени умения, которым он обладает, он должен всегда отдавать одну и ту же долю своего покоя, свободы и своего счастья»¹. И немного погодя продолжает: «он чувствует, что труд, поскольку он выражается в стоимости товаров, означает лишь затрату рабочей силы, но эту затрату он изображает опять-таки лишь как жертвование покоем, свободой и счастьем, не видя в этой затрате также и нормальной жизнедеятельности. Правда, перед его глазами был современный наёмный рабочий»². А перед глазами легендарного вольноотпущенника Эзопа был современный ему раб.

Оппозиция «труд – досуг» в мейнстриме лежит в основе моделирования рынка рабочей силы, в том числе и в учебниках вводного уровня, где комментируется парадокс снижения предложения труда при определённом повышении его оплаты (графически изображается как «обратный загиб» кривой предложения)³.

Фактически оппозицию свободного и рабочего времени, признает и сам Маркс, пересказывая в Экономических рукописях 1857 – 1859 гг.

¹ Маркс К. Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 55.

² Маркс К. Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 55 – 56.

³ См., например, Самуэльсон П., Нордхуз В. Экономика 18 изд. (2005) М.: Изд. дом Вильямс, 2009. С. 477, рис. 13.4. В учебниках промежуточного уровня приводится экономико-математическая модель «Экономика Крузо». См., например, Вэриан Х.Р. Микроэкономика. Промежуточный Уровень: Современный подход (1987) пер. с англ. М.: ЮНИТИ, 1997. гл. 29.

(Первоначальный вариант «Капитала») анонимного социалиста: «Нация по-настоящему богата лишь тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. *Богатство*» (реальное богатство) «представляет собой не распоряжение прибавочным рабочим временем, а *такое время, которым можно свободно располагать* за пределами времени, затрачиваемого на непосредственное производство, – свободное время для *каждого индивида* и всего общества» [«The Source and Remedy of the National Difficulties». London, 1821, стр. 6]»¹.

Хорошо известна похожая мысль самого Маркса и в «Капитале»: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью. Следовательно, по природе вещей, оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своём базисе. Сокращение рабочего дня – основное условие»².

По сути дела, здесь Маркс говорит то же самое, что и критикуемый им Смит: частью свободы в настоящем необходимо платить за продолжение жизни в будущем или, что то же самое, – чтобы (всем) жить потом, надо (кому-то) работать сейчас. На языке интересов об этой паре можно сказать так: «самоизменения (спонтанные изменения здесь и сейчас) versus самосохранение (продолжение жизни)». Дальнейшее углубление в эту тему связано с парой «эффект замещения – эффект дохода» в самом широком её понимании, выходящем далеко за реалии рыночной экономики.

Переходя от предметных, вещественных результатов производства к конечным – людям и обществу, к отношению между настоящим и будущим временем их жизни, мы приходим к интересам, которые даже по этимологии этого заимствованного из латыни термина (*inter est* – «между есть») неразрывно связаны с реальным временем. Именно противоречивые (самосохранения и самоизменений) интересы субъектов являются действительным предметом политической экономики. Здесь уместно напомнить первые строки первой рукописи 1844 года К. Маркса: «Заработная плата определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим. Побеждает непременно капиталист. Капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капиталиста»³.

---

¹ Маркс К. *Экономические рукописи 1857 – 1859 годов*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 215.

² Маркс К. *Капитал*, т. 3 (1894) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. С. 386 – 387.

³ Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 47.

Упущенные результаты – вещь гораздо менее определённая, чем измеримые хотя бы временем затраты. Может быть, поэтому в эпоху Маркса «чисто затратные» теории ценности (=стоимости), в том числе трудовые, воспринимались как более убедительные, чем ориентированные на полезные эффекты. Со временем ситуация довольно сильно изменилась. Тем не менее, представляется уместным вспомнить оценку трудовой теории ценности С. Н. Булгаковым:

«Если трудовая теория ценности, по крайней мере, в строгой форме давно уже не защитима даже и в политической экономии, то философская её идея, вернее, выраженное в ней предчувствие чрезвычайно ценно и, освобождённое от несоответствующей и уродливой формы, может получить дальнейшее развитие. И в этом отношении политическая экономия оказалась впереди философии»¹.

3.1.3. Двойственность – универсальная характеристика циклических процессов

Двойственный характер труда Маркса – это, выражаясь его же языком, превращённая форма, за которой скрыта двойственность самой жизни людей, раздваивающейся на цель (жизнь как таковую) и средство (труд как часть жизни, обеспечивающая жизнь в целом). Причём надо иметь в виду, что трудятся индивиды, а живёт общество (включая и нетрудоспособных современников трудящихся индивидов, и будущие поколения людей).

По-видимому, освобождение от «уродливой формы» двойственности, привязанной к части жизни – труду – было бы логично связать с двойственным характером предметности циклических процессов вообще и жизни человеческого рода в частности.

Чувственно-сверхчувственной вещью является не только стол, сделавшийся товаром, но и любой другой предмет, являющийся частью любого реального циклического процесса².

Здесь нет возможности подробно развивать эту тему. Весьма образно отозвались об ощущении цикличности экономики в современной теории редакторы энциклопедического издания “The World of Economics”: «Большинство из нас помнит, как учились ездить на велосипеде: трудно было удержаться, ехать прямо, поворачивать так, чтобы не упасть. Позже, после минут, часов или даже дней практики, мы наконец понимали, как это делается, и узнавали почти чудесное чувство равно-

---

¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства (1912) М.: Наука, 1990. С. 106.

² Маркс К. Капитал, т. 1 (1867) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 81.

весия, которое делает езду на двух колёсах такой простой и которое никогда не исчезает. Примерно так же часто вспоминают об изучении своей науки экономисты, даже самые известные»¹. Аналогичное чувство испытывали и те, кто приобретался к экономической теории через освоение «Капитала» и других работ Маркса, начиная с его скрупулёзного описания элементарного циклического процесса в экономике – простого воспроизводства.

В его времена самую продвинутую попытку описать логику циклических процессов предпринял Гегель в «Науке логики». Выше уже отмечалось, что с его стороны было недоразумением философский труд зачислить по ведомству науки. Но «за вычетом философии» (объективный идеализм) в нем остаётся на редкость детальное описание реальных циклических процессов, включая процессы целеполагания в третьей, заключительной части – «Учение о понятии».

Именно при конспектировании этой части В.И. Ленин сначала написал: «En lisant... These parts of the work should be called: a best means for getting a headache!****»².

А потом добавил: «Афоризм: Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1 /2 века спустя!»³.

И, наконец, самое главное для целей данной статьи: «Мысль включить жизнь в логику понятна — и гениальна»⁴.

«Головную боль» у В.И. Ленина вызвало знакомство с «Субъективным понятием», где Гегель подробно рассматривает формулу «Е – О – В» (единичное – особенное – всеобщее) и её различные модификации. Но Фридрих Энгельс в «Диалектике природы» спокойно отсылал всех желающих понять диалектику единичного, особенного и всеобщего в законах природы как раз к разделу «Субъективность» учения о понятии, в котором дано «гениальное развёртывание этой темы в «Большой логике» Гегеля». Кстати, Ф. Энгельс тоже советовал этот текст именно проштудировать, а затем привёл пример: «трение есть источник теплоты», – суждение наличного бытия, и притом положительное (единичное), «всякое механическое движение способно

¹ *Итуэлл Дж., Милгейт М., Ньюмен П.* Предисловие. Экономическая теория (The New Palgrave, 1987) М.: Инфра-М. 2004. С. IX.

² «**** — При чтении... Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли! Ред.» *Ленин В.И.* Философские тетради (1914). ПСС. Т. 29. С. 158.

³ Там же, с. 162.

⁴ Там же, с. 184.

посредством трения превращаться в теплоту», – универсальное суждение рефлексии (особенное), «любая форма движения способна и вынуждена при определённых для каждого случая условиях превращаться, прямо или косвенно, в любую другую форму движения», – суждение понятия, и при том аподиктическое, – наивысшая форма суждения вообще (всеобщее)¹.

Сейчас, пожалуй, лучшим примером единичного, особенного и всеобщего в законах природы является формула, которую один из авторов теории родственного отбора, Джон Холдейн, выразил словами «Я бы отдал жизнь за двух братьев или восемь кузенов». Что он имел при этом в виду, можно понять из следующей формулы, которая вошла в науку под названием «правило Гамильтона»:

«“Ген альтруизма” (точнее, аллель, способствующий альтруистическому поведению) будет поддержан отбором и распространится в популяции, если

$$rB > C$$

где r – степень генетического родства “жертвователя” и “принимающего жертву”;

B – репродуктивное преимущество, полученное адресатом альтруистического акта;

C – репродуктивный ущерб, нанесённый “жертвователем” самому себе.

Репродуктивное преимущество или ущерб можно измерять, например, в числе оставленных или не оставленных потомков.

С учётом того, что от акта альтруизма может выиграть не одна, а много особей, формулу можно модифицировать следующим образом:

$$nrB > C$$

где n – число принимающих жертву»².

¹ *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 539.

² Продолжение цитаты: «Обратите внимание, что «правило Гамильтона» не вводит никаких дополнительных сущностей и не опирается ни на какие специальные допущения. Оно чисто логически вытекает из элементарных базовых фактов популяционной генетики. Если $nrB > C$, «аллель альтруизма» начинает совершенно автоматически, без всяких внешних направляющих сил и без всякой мистики, увеличивать свою частоту в генофонде популяции. С точки зрения самого «аллеля альтруизма» в этом никакого альтруизма нет, а есть чистый эгоизм. Этот аллель заставляет своих носителей – то есть организмы – совершать акт альтруизма, но тем самым аллель блюдет свои корыстные интересы. Он жертвует несколькими своими копиями, чтобы дать преимущество другим своим копиям. Естественный отбор – это ни что иное, как автоматическое и совершенно равнодушное и бессознательное взвешивание суммы выигрышей и проигрышей для аллеля – для всех его копий вместе – и если выигрыши перевешивают, аллель распространяется. Правило Гамильтона обладает замечательной объясняющей и предсказательной силой» (*Марков А.В.* Эволюция кооперации и альтруизма: от бактерий до человека (2009). <http://evolbiol.ru/altruism.htm>).

«Чисто экономический» характер этого неравенства виден как раз из применения авторами символов В и С – Benefit и Cost соответственно.

Единичный уровень здесь представлен аллелем (геном), особенный – особями (велик и могуч русский язык), всеобщий – популяций, видом. Знак неравенства отражает неопределенность, в которой протекает жизнь каждого вида – реального субъекта этих Cost и Benefit.

Циклические процессы имеют несколько важных свойств как вещей (предметов) особого рода:

Период оборачиваемости – время, за которое циклический процесс совершает один оборот. Умение хозяйствовать начинается с понимания значимости различных периодов оборота во всех трёх видах циклов и их взаимной координации.

Интенсивность отдельных процессов, образующих цикл – отдельные показатели интенсивности должны быть между собой согласованы. Согласованность – это достаточность, от которой происходит известное понятие – достаток. В условиях неопределённости реальная достаточность обычно предполагает некоторую избыточность.

Тип воспроизводства – простое, расширенное, суженное. Здесь это свойство не требует комментариев.

Потенциальная продолжительность (обеспеченность) существования циклов зависит от соотношения запасов внешних потребляемых ресурсов и интенсивностей их применения. Существование цикла сокращает эти запасы, и если они не возобновляются каким-то образом, со временем исчезает и циклический процесс.

Отчужденность между существованием каждого отдельного предмета, так или иначе участвующего в процессах, и существованием самого цикла как вещи, предмета особого рода, имеющего свои собственные свойства, частично описанные выше. В мире обычных живых существ эта отчуждённость жизнью индивидов от жизни их вида не мешает воспроизводству, поскольку оно происходит «на автомате», независимо от воли и желаний самих существ. В мире людей ситуация меняется. Сохранение вида в целом постепенно становится предметом целесообразной деятельности индивидов.

Напоследок рискну высказать мнение, что современная эпоха скорее подтверждает актуальность интеллектуальных поисков Гегеля и Маркса, чем оставляет их в прошлом.